Комнаты внутри нас

Комната контроля

О страхе отпустить то, что дорого

Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната контроля. О страхе отпустить то, что дорого

https://litres.ru/74725873
SelfPub; 2026

Аннотация

Списки у двери, проверенные замки, подписанные банки: порядок помогает жить, пока не становится способом удержать то, что удержать невозможно. «Комната контроля» — двенадцать историй о людях, привыкших отвечать за каждую мелочь и постоянно быть начеку. В комнате старого дома для каждой вещи отмечено точное место. Только фонарь смотрителя стоит криво, и никто его не поправляет. Здесь не предлагают отказаться от осторожности. Герои замечают, что даже самый подробный список не может защитить от перемен. Это психологическая проза о тревоге, ответственности, памяти и трудности доверять непредсказуемой жизни.

На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	4
Как читать	6
Пролог	7
Список у двери	9
Тридцать шесть и шесть	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шокун Алексей
Комната контроля. О страхе отпустить то, что дорого

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. Постоянная проверка и постоянный страх — это то, с чем помощь работает лучше, чем книга.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про людей, ко-

торые держат свою жизнь под присмотром. Ни один из них не становится беспечным. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только то, что они об этом знают.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд пятую и шестую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к двенадцатой.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как перестать волноваться. Она про комнату, в которой у каждой вещи отмечено место, и про фонарь, который стоит криво и который никто не поправляет.

Пролог

В этом доме есть комната, в которой у каждой вещи есть место, и место помечено.

На полке карандашом проведены черты: здесь консервы, здесь крупы, здесь аптека. На банках наклеены бумажки с датой. На двери с внутренней стороны висит список, в нём одиннадцать пунктов, и первые три обведены.

Газовый вентиль перевязан красной ленточкой, чтобы от двери было видно, что он закрыт.

Стул стоит на своём месте. Стол на своём. Полотенце на гвозде висит так, чтобы нижний край был на одной линии с краем шкафа.

На полу от двери к окну протоптана светлая дорожка: по ней много ходили.

Окно закрыто. Форточка прикрыта, но не заперта: так проверено.

Смотритель входит, ставит фонарь на стол и уходит.

Фонарь стоит криво.

Он стоит под углом ко всему остальному: к чертам на полке, к списку на двери, к линии полотенца. Он единственная вещь в комнате, которая стоит не по линии.

Смотритель его не поправляет.

Он выходит и не проверяет, закрыта ли дверь.

В комнате ничего не сдвинулось. Только фонарь стоит

криво, и никто его не трогает.

Список у двери

На двери с внутренней стороны, на уровне глаз, висел лист бумаги, приклеенный скотчем. В листе было одиннадцать пунктов, написанных от руки, синей ручкой, крупно. Первые три были обведены той же ручкой, дважды.

Список висел там с две тысячи четырнадцатого года. Скотч на нём меняли четыре раза, бумага не менялась. Аркадий Петрович двадцать девять лет работал на инструментальном заводе, в отделе главного механика.

Он вёл там всё: графики ремонтов, папки с актами, журнал, в котором отмечали, когда меняли подшипники. Журнал он вёл от руки, потому что не доверял компьютеру, и за двадцать девять лет у него было девять журналов, и все лежали в шкафу по порядку.

Дома было то же самое: в прихожей стоял ящик с ключами, и к каждому ключу была привязана бирка с номером.

Он знал, где лежат документы, сколько осталось денег и когда менять фильтр в машине. Нина Павловна за это за него и вышла: с ним было спокойно, потому что он помнил то, чего не помнила она. Они прожили вместе тридцать восемь лет и ни разу не потеряли ни одного документа.

А потом он начал забывать. Сначала это были мелочи, такие, что она не придала им значения: он не помнил, куда положил очки, и находил их в холодильнике.

Потом он забыл, как зовут соседа снизу, с которым здоровался двадцать лет.

Потом он дважды сходил в магазин за хлебом и дважды вернулся без хлеба, но с чем-то другим. Он злился. Он злился так, как злятся люди, которые всю жизнь были надёжными.

Он говорил:

— Я не идиот. Я устал.

Она говорила:

— Конечно.

Он говорил:

— Не говори со мной как с больным.

Она говорила:

— Я не говорю.

В две тысячи двенадцатом он перестал водить машину. Это было не его решение: он выехал со двора, задел стоявшую у бордюра «девятку» и даже не заметил. Хозяин «девятки» догнал его на перекрёстке и долго стучал в стекло.

Аркадий Петрович остановился, вышел и сказал:

— Я не заметил.

Мужчина сказал:

— Как вы могли не заметить?

Аркадий Петрович сказал:

— Я не знаю.

Он приехал домой, поставил машину в гараж и больше за руль не садился, и машину они продали в две тысячи четыр-

надцатом. Продавал он сам и торговался отчаянно, и это был последний раз, когда она видела его прежним.

Потом он перестал ходить на завод.

Формально он вышел на пенсию, а на самом деле его попросили, и попросили мягко: предложили вести журнал дома, на общественных началах. Он согласился и два месяца вёл журнал дома, а потом перестал. Журнал лежит в шкафу, и последняя запись в нём от четырнадцатого июня.

Там написано: «Замена подшипника, левый шпиндель, 14.06, слесарь Кузьмин». Больше записей нет, и Нина Павловна этот журнал не трогает.

Она вообще не трогает его вещи: они лежат так, как он их оставил, — журнал, бирки на ключах, галстуки, которые он уже не носил. Она думает, что это не память, а порядок, а порядок она умеет держать. Сама она двадцать семь лет работала в регистратуре поликлиники.

Через её руки прошли десятки тысяч карточек, и она знала, что если карточку поставить не туда, человек может не найтись. Она вышла на пенсию в две тысячи шестнадцатом, чтобы сидеть с ним. Это было её решение, и она ни разу о нём не пожалела, и никому об этом не говорила.

На пенсии оказалось, что работа у неё осталась одна: он. Она вставала в семь, потому что он вставал в семь и без неё не находил тапки. Она варила кашу, потому что он не помнил, что ел вчера, и мог есть одно и то же три дня.

Она подписывала его таблетки, потому что он путал две

белые с риской. В две тысячи пятнадцатом она его всё-таки привела к врачу. Врач был молодой, из поликлиники на Ленина, и он долго задавал вопросы, на которые Аркадий Петрович отвечал неправильно.

Он спросил, какой сегодня год, и Аркадий Петрович сказал:

— Две тысячи четырнадцатый.

Он попросил нарисовать часы, и Аркадий Петрович нарисовал круг, поставил в нём цифры, а стрелки поставил не туда. Потом врач сказал длинное слово, которое она не запомнила, и сказал, что надо сделать снимок головы. Снимок сделали в областной больнице, и она ждала под кабинетом сорок минут, и всё это время читала объявления на стене.

Объявления были про флюорографию и про прививки, и она прочитала их три раза.

Врач потом сказал:

— Сосуды. Возрастное.

Она спросила:

— Это лечится?

Он сказал:

— Это не лечится. Это можно замедлить.

Она спросила:

— Насколько?

Он сказал:

— По-разному.

Она вышла из кабинета и подумала, что «по-разному» —

это ответ, который ничего не обещает и ничего не отнимает. Он выписал три вида таблеток и сказал, что надо гулять и что нельзя резко менять обстановку.

Дома она разложила таблетки по коробочкам и подписала: утро, день, вечер.

Аркадий Петрович сначала пил их сам, потом перестал, потом стал пить, если она подавала.

Она подавала каждый день, и он каждый день спрашивал:

— А это от чего?

Она говорила:

— От головы.

Он говорил:

— У меня голова не болит.

Она говорила:

— Значит, работает.

Гулять они ходили по одному маршруту. Двор, потом вдоль забора, потом через сквер до аптеки и обратно. Маршрут был тысяча двести шагов, она считала.

В сквере была скамейка, третья от входа, и они на ней сидели. Он сидел и смотрел на голубей. Она сидела и смотрела на него.

Один раз он сказал:

— Хорошо тут.

Она сказала:

— Хорошо.

Он сказал:

— Мы сюда с тобой ходили.

Она сказала:

— Ходили.

Он сказал:

— Я помню скамейку.

Она потом заплакала в аптеке, у витрины, и аптекарша сделала вид, что не заметила. Скамейку спилили в две тысячи двадцать первом, когда делали новую площадку. Нина Павловна узнала об этом случайно и расстроилась так, что сама себе удивилась.

Нина Павловна написала его в марте, после того как вернулась с работы и почувствовала в квартире запах. Аркадий сидел на кухне и читал газету.

На плите стоял чайник, из которого выкипела вся вода, и дно у него было коричневое, в разводах.

Он поднял голову и сказал:

— А я думал, я выключил.

Он не врал. Он действительно так думал.

Через неделю после чайника он ушёл за хлебом и не взял ключи.

Он вернулся, постоял под дверью, потом спустился и сел на подоконник между этажами. Он просидел там два часа, потому что не хотел идти к соседям и объяснять.

Она нашла его там, когда пришла с работы. Он сказал:

— Я не хотел тебя дёргать.

Тогда она и поняла, что одной просьбы «не забывай» ма-

ло и что ему нужна бумажка. Тогда она села и написала список. Одиннадцать пунктов: газ, вода, свет, утюг, окно, балкон, ключи, деньги, таблетки, дверь, вернуться.

Писала она его на кухне, на листе из школьной тетради, и старалась уложиться в десять пунктов. Вышло одиннадцать. Последним она написала «вернуться», потому что это было самое частое: он выходил, а потом возвращался и стоял на площадке, пытаясь вспомнить, зачем вышел.

Она подумала тогда, что «вернуться» — хорошее слово, чтобы закончить. Первые три она обвела, потому что именно эти три он забывал чаще всего. Газ — потому что чайник.

Утюг — потому что он один раз ушёл, оставив его на рубашке, и рубашка прожглась на плече, и он потом носил её под пиджаком. Дверь — потому что он один раз не закрыл её на ночь, и она всю ночь просыпалась и слушала площадку. Список она приклеила на дверь, чтобы он видел его перед выходом.

Она читала его вслух каждый раз, когда они уходили вместе.

— Газ. Вода. Свет.

Он стоял рядом, держал сумку и кивал. Когда она уходила одна, он читал список сам. Один раз она вернулась за зонтом и застала его перед дверью: он стоял, вёл пальцем по строчкам и шевелил губами.

Он смутился и сказал:

— Я проверяю.

— Проверяй, — сказала она.

Она тогда подумала, что бумажка работает. В июне он пошёл в магазин один. Она была в ванной, а он взял сумку и ушёл, и она узнала об этом, когда вышла и увидела, что его нет, а дверь прикрыта.

Магазин был в соседнем доме, в сорока метрах, и он ходил туда тридцать лет. Она оделась и пошла. Она нашла его не в магазине, а на остановке, за квартал дальше.

Он стоял с сумкой и смотрел на автобусы.

Она сказала:

— Аркаша.

Он обернулся и сказал:

— Я тебя искал.

Она сказала:

— Я дома была.

Он сказал:

— Я знаю. Я забыл, зачем вышел.

Они пошли домой, и по дороге он молчал, и она тоже молчала.

Дома он сел на кухне и сказал:

— Не ходи за мной.

Она сказала:

— Хорошо.

Он сказал:

— Я серьёзно.

Она сказала:

— Я поняла.

На следующий день она всё равно пошла. С тех пор она ходила за ним, но так, чтобы он не видел: выходила через пять минут, шла по другой стороне улицы и стояла у витрины. Это продолжалось два года.

Он так и не узнал. Соседи знали всё раньше неё. Лида с пятого этажа встречала его на площадке и провожала до квартиры, а потом звонила Нине Павловне на работу.

Однажды его привёл домой мужчина из двадцать восьмой, который нашёл его у гаражей.

Мужчина сказал:

— Он стоял и не знал, куда идти.

Нина Павловна сказала:

— Спасибо.

Мужчина сказал:

— Да не за что. Он мне в позапрошлом году колесо менял.

Она потом долго думала про это колесо. Он менял колесо этому мужчине в две тысячи десятом, и мужчина помнил, а он не помнил ничего.

В подъезде потом ещё года три спрашивали: «А как Аркадий Петрович?»

Она отвечала: «Держится». А когда он умер, спрашивать перестали почти сразу, и это оказалось неожиданно тяжело: она ещё два года здоровалась с людьми, которые уже не помнили, зачем здороваются с ней. Один раз она не успела: он ушёл в сторону рынка, и она нашла его у ларька, где прода-

вали семечки.

Он стоял и разговаривал с продавщицей о том, какая сегодня погода. Продавщица кивала.

Она подошла и сказала:

— Здравствуйте.

Аркадий Петрович сказал:

— Это моя жена.

Продавщица сказала:

— Очень приятно.

Он потом весь вечер был доволен, потому что сам вспомнил, кто она.

Иногда он говорил:

— Ну хватит, я не маленький.

Она говорила:

— Ага.

И читала дальше. Второй раз его ударило в ноябре восемнадцатого. Он упал в коридоре, у вешалки.

Она услышала и выбежала, и он лежал на боку и держал правую руку, и рука не двигалась. Она вызвала скорую и говорила по телефону очень спокойно, и назвала адрес, подъезд и этаж, а потом ещё раз адрес. Она потом узнала, что он лежал минут пять, пока она не вышла из комнаты.

Скорая приехала через одиннадцать минут. В больнице он пролежал двадцать три дня. Она приходила каждый день, кроме воскресенья, и приносила бульон в банке и печенье.

В палате было шесть человек, и она знала всех по именам

и знала, кому кто что носит. Когда его выписали, он ходил медленно и правую руку держал у груди.

Дома он первым делом подошёл к двери и посмотрел на список.

Она стояла сзади и молчала.

Он сказал:

— Тут одиннадцать.

Она сказала:

— Одиннадцать.

Он сказал:

— Это много.

И больше ничего не сказал. После этого он читать уже не мог: буквы он видел, но строчки расплывались, и он злился. Тогда читать стала только она, вслух, каждый раз, когда они выходили.

Он стоял рядом и держал сумку. Она читала и смотрела на его лицо, и по лицу было видно, когда он вспомнил.

В сентябре он сам взял лист и ручку.

Она не видела, как он это делал, — она была на кухне. Он вышел и показал ей лист. На листе было написано: «газ. вода. свет».

Три слова, все с маленькой буквы, и буквы были неровные.

Он сказал:

— Я написал.

Она сказала:

— Молодец.

Он сказал:

— Повесь рядом.

Она повесила его лист рядом со своим, на тот же скотч. Он висел там три недели, а потом отвалился, и она подобрала его и убрала в ящик с документами. Она до сих пор его не выбросила.

Там написано «газ. вода. свет», и в слове «свет» буква «т» стоит криво, потому что рука уже не слушалась.

Она стала читать медленнее, чтобы он успевал. Аркадий умер в феврале две тысячи девятнадцатого. Он умер в больнице, в четверг, и она была там.

В последние два дня он не говорил и смотрел в потолок. Она держала его за руку и рассказывала про сквер и про скамейку, и не знала, слышит ли он. Похороны были в субботу, и было двадцать два градуса мороза, и на кладбище пришли одиннадцать человек.

Из них шесть были соседи. После поминок Лида осталась мыть посуду, и они вдвоём вымыли всё, что было в доме, включая то, что мыть было не надо.

Лида сказала:

— Ты теперь как?

Нина Павловна сказала:

— Никак.

Лида сказала:

— Это пройдёт.

Нина Павловна сказала:

— Я знаю.

Она соврала, и Лида это поняла, и обе сделали вид, что ничего не было. Первый месяц она выходила из дома, не глядя на дверь.

Потом начала снова.

Она останавливалась перед дверью, смотрела в список и читала вслух, по одному пункту, ровно так же, как читала при нём.

— Газ, вода, свет, утюг, окно, балкон, ключи, деньги, таблетки, дверь, вернуться.

Она произносила это на одном дыхании. Между пунктами она делала маленькую паузу. Пауза была короткая, меньше секунды.

В неё вполне могло уместиться чужое «да».

Пауза появилась сама, году в шестнадцатом, когда он ещё отвечал. Он отвечал не сразу: сначала смотрел на список, потом говорил «да». Она ждала. Привычка ждать осталась дольше, чем он.

На лестничной площадке её один раз застала Лида с пятого этажа. Лида вышла с мусорным ведром и остановилась.

— Нина, ты с кем разговариваешь?

— Со списком, — сказала Нина Павловна.

— А.

Лида поставила ведро и сказала:

— А я думала, у тебя кто-то.

Больше она не спрашивала. У Лиды муж умер в две тысячи семнадцатом, и Лида знала про это всё.

Один раз она сказала:

— Ты его голосом читаешь.

Нина Павловна не ответила. Она потом думала: голосом или не голосом, а всё равно не своим. Сын приезжал раз в год, в августе, на три дня.

В две тысячи двадцать первом он увидел список, постоял перед ним и сказал:

— Мам, ну сколько можно.

— Что сколько?

— Вот это вот всё.

Она не ответила. Она в это время мыла чашку, и чашка была занята. Сын уехал. Список остался.

В две тысячи двадцатом она сама оставила газ. Это случилось в марте, утром: она поставила чайник и пошла в комнату за очками, а по дороге села на диван и просидела сорок минут. Чайник выкипел, и в квартире пахло.

Она выключила газ, открыла окна и села на кухне. И вот тогда она посмотрела на дверь. Список висел там, одиннадцать пунктов, и первым в нём стоял газ.

Она подошла и прочитала его вслух, от начала до конца, и голос у неё был ровный. И ничего не произошло. Она поняла, что список написан не для того, кто в квартире, а для того, кто выходит.

Тот, кто остаётся, его не читает. Она подумала: а кто тогда

читает его сейчас? И ответила себе: никто.

Это был первый раз, когда она подумала о себе как о человеке, которого в этой квартире нет. Весь день она потом делала дела и не садилась. А вечером дописала внизу списка карандашом, очень мелко: «Н.П.».

Потом стёрла. В две тысячи двадцать втором он предлагал переехать к нему.

— Мам, ну сколько ты тут одна будешь.

— Я не одна, — сказала она.

Сын посмотрел на неё и ничего не сказал. Он подумал, что она имеет в виду кошку, а кошки у неё не было. Утюга у неё не было с двери тысячи девятнадцатого года.

Аркадий гладил себе рубашки сам, у него это выходило лучше, чем у неё, и он не любил, когда трогали его гладильную доску. После похорон она отдала утюг Лиде. Лида потом говорила, что утюг хороший и работает до сих пор.

Пункт «утюг» из списка она не убрала. Она думала об этом несколько раз: подходила с карандашом, смотрела на слово и уходила.

В октябре, в субботу, она выходила в магазин и вдруг услышала себя.

Она услышала, как говорит «ключи», и как после этого слова делает паузу, и как пауза ничем не заполняется. Она постояла с ключом в руке.

Потом вернулась в квартиру, села на банкетку в прихожей и сидела минут двадцать.

Она подумала, что все эти годы читала список не себе. Себе достаточно было посмотреть. Она читала его вслух, потому что тот, для кого он был написан, всё ещё стоял рядом и держал сумку.

На следующей неделе она попробовала выйти молча. Она дошла до лифта, постояла и вернулась. Она не забыла ничего. Она не смогла уйти в тишину: получилось, что она вышла из дома, не закрыв за собой разговор.

Тогда она придумала другое. Она стала водить по списку пальцем. Палец шёл сверху вниз: газ, вода, свет, утюг, окно, балкон, ключи, деньги, таблетки, дверь, вернуться.

Одиннадцать пунктов, одиннадцать касаний. Это занимало секунд восемь. Рот при этом молчал.

Почтальонша, которая приносила пенсию, застала её за этим и сказала:

— Нина Павловна, вы дверь гипнотизируете.

— Проверяю, — сказала Нина Павловна.

Она и правда проверяла. Проверка теперь шла без слов. Сначала ей было неудобно перед собой, потом прошло.

Палец останавливался на «утюге» каждый раз. Она замечала это и не убирала палец быстрее. Иногда она думала: надо купить утюг.

Не потому, что ей было что гладить, а чтобы пункт перестал быть пустым. Она так и не купила. Валя, с которой они вместе работали в регистратуре, приходила раз в месяц.

Валя приносила печенье и рассказывала про дочь в По-

дольске и про то, как она теперь ходит на плавание.

Один раз Валя сказала:

— Нина, ты бы убрала это.

— Что убрать?

— Список.

Нина Павловна сказала:

— Зачем?

Валя сказала:

— Потому что ты приходишь домой и первым делом здороваешься с дверью.

Нина Павловна посмотрела на неё и ничего не сказала. Валя потом извинилась, а через месяц опять пришла с печеньем. Больше про список они не говорили.

Внук приезжал один раз, в две тысячи двадцать втором, вместе с отцом. Ему было четырнадцать, и он всё время смотрел в телефон.

Он увидел список и спросил:

— Бабушка, это что?

Она сказала:

— Это памятка.

Он сказал:

— А зачем?

Она сказала:

— Чтобы не забыть.

Он сказал:

— Так есть же телефон.

Она сказала:

— Есть.

Он подумал и сказал:

— Ну ладно.

И уткнулся обратно. Она потом подумала, что он прав и что телефон ей не поможет, потому что телефон надо ещё помнить, где он лежит. Лида потом спрашивала, не нужен ли ей утюг обратно. Она сказала, что не нужен.

Утюг она вспоминала часто, и не потому, что он был нужен. В утюге был смысл: пока в списке стоял утюг, в доме было что гладить.

Теперь гладить было нечего, а пункт остался, и это было единственное место в квартире, где ещё жил Аркадий Петрович.

Она это понимала, злилась на себя за это и всё равно не меняла. Список между тем обветрился, скотч пожелтел, и верхний угол отклеился. Она подклеила угол новым скотчем, поверх старого.

Она пробовала переписать список начисто, на хорошей бумаге, но получилось хуже: почерк был ровный, а слова стояли слишком далеко друг от друга, и паузы в них не помещались. Она оставила старый лист. Она пробовала сфотографировать список на телефон.

Снимок вышел мутный, и она пересняла, и второй вышел ещё хуже. Тогда она переписала список в записную книжку, в ту, где раньше записывала дни рождения.

В книжке получилось аккуратно и без пауз.

Она носила её в сумке две недели и за это время ни разу не открыла. В сумке список не работал: он работал только на двери. Иногда она открывала книжку и читала оттуда, стоя у двери, но это было не то.

Список должен был висеть. Она не могла объяснить почему, но чувствовала, что если он не висит на двери, то его как будто нет. Тогда она вырвала листок из книжки и вложила его в дверной карман, где лежали чеки.

Он там и лежит. Она не вынимает его оттуда уже второй год и находит, когда ищет в кармане чеки. И однажды, в конце ноября, дописала внизу двенадцатый пункт, которого там раньше не было.

Она написала его мельче остальных, потому что место кончалось: «не спешить». Этот пункт появился после того, как она в сентябре побежала за автобусом, упала на мокром асфальте и порвала сумку. Ничего страшного не случилось: она встала, собрала и поехала.

Но, сидя в автобусе, она подумала, что за сорок лет спешки это была первая минута, когда она никуда не опаздывала, и что эту минуту ей устроила земля. Теперь она водит пальцем по списку сверху вниз, доходит до «утюга» и идёт дальше.

Потом касается последнего пункта, и только после этого берётся за ручку двери.

Тридцать шесть и шесть

Виктор Ильич мерил температуру дважды в день: утром, в десять минут восьмого, и вечером, в половине десятого. Градусник лежал в верхнем ящике кухонного стола, в футляре, рядом с ложками. Он был электронный, китайский, и пищал три раза, когда был готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.